

УДК 070

**ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ**

© 2012 г.

С.Г. Корконосенко

Санкт-Петербургский госуниверситет

наука@jf.pu.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Раскрывается понятие «национальное достоинство журналистики». Автор задумывается об опасности инерционной канонизации любого знания о прессе, которое приходит к нам из зарубежных теорий, отмечает необходимость сохранения национальных традиций журналистики. Отечественная пресса, по мнению автора, имеет высокий нравственный, интеллектуальный и профессионально-культурный потенциал.

Ключевые слова: СМИ, журналистика, культура, национальное достоинство.

Для начала приведем некоторые мрачные констатации и безрадостные прогнозы. «Место СМИ в современном обществе, безусловно, выдуманно. Метод, обеспечивший нам иллюзию этого “места” и его значимости, ничем не отличается от авторского метода Марка Твена, который придумал и сельскохозяйственную газету, и ее редактора, и незадачливого его сменщика. Эпоха “настоящих СМИ” записана где-то в исторической памяти» [1], – устами своего медиа-аналитика объявляет сайт Forbes.ru. «Нет такой профессии – журналист: во всяком случае, журналистике нельзя научиться в учебных заведениях. Если ты закончил экономический, металлургический или курсы бухгалтеров, можешь стать журналистом. Профессиональный журналист – это ничто. Это мыльный пузырь. Разве что свидетельство для барышни, собирающейся удачно выйти замуж и поговорить на общие темы с гостями мужа за одним столом» [2], – со своей стороны добавляет редактор делового издания Forbes на менеджерском сайте E-executive.ru. Плюс к этому выражает уверенность в том, что так называемая гражданская (народная) журналистика служит примером независимых СМИ, а лучшее, что появилось у нас за последние годы, – это блогосфера. Подобные убийственные заключения сегодня кочуют из одной дискуссионной публикации в другую. Если знакомиться только с ними, то придется согласиться, что с профессиональной журналистикой надо расставаться как с рудиментом ушедших десятилетий. Без печали, ибо она утратила свою ценность для общества.

Но если брать в расчет другие данные – и в первую очередь факты, а не оценки, – то возникают поводы для сомнений в обоснованности

приговора профессиональной прессе. Вот некоторые факты, собранные из разных источников. Сайт «Dw-world.de», со ссылками на руководителей Немецкого союза журналистов, сообщает, что журналистика является для многих молодых немцев профессией-мечтой. Все школы журналистики (а их в Германии 16, не считая университетских кафедр) пользуются очень высокой популярностью. Так, в Берлинскую школу журналистики на 16 мест ежегодно поступает около 1000 заявок. Поэтому соискателям нужно настроиться на строгие правила отбора в несколько этапов [3].

«...О всемогущий издатель, газету нашу насущную даждь нам днесь» – говорится во внутреннем монологе персонажа «Улисса», иронически и одновременно всерьез, как это часто бывает у Дж. Джойса. Вряд ли эта пародийная молитва была бы органичной по отношению к другому производству, на которое переклещается вчерашний журналист. Джойс выражает стандарты восприятия мира, господствовавшие столетие назад; другие приведенные нами примеры порождены текущими годами. Но во всех случаях проявляется отношение к журналистике как к неперемемному спутнику человека в его жизни и неотторжимой части общественного бытия. Скажем определеннее – как части культурного пространства, в котором живут и человек, и общество.

Необходимость апеллировать к культуре ясно проступает из знакомства еще с одним фактом – парадоксальным для нашего контекста, по первому впечатлению. «В то время как по всему миру кризис загоняет в угол самые успешные и ранее процветавшие газеты, журналы, телеканалы и радиостанции, одна группа СМИ чув-

стует себя бодро как никогда — массмедиа для этнических меньшинств... — с долей удивления замечают наблюдатели. — Особенно ярко эта тенденция проявляется в США, где афроамериканцы, китайцы и выходцы из Латинской Америки составляют больше трети населения страны». По оглашенным на конференции 2009 National Ethnic Media Expo & Awards исследовательским данным, аудитория этнических медиа в США выросла на 16% за последние четыре года [4]. Думается, что не надо тратить аргументы для доказательства очевидного: представители меньшинств стремятся сохранить родственную им культурную среду, воплощением которой служат медиа. Какими бы неудобными ни были причины и эффекты этих процессов (назовем, к примеру, нежелание интегрироваться в культуру коренной нации), мы, тем не менее, отчетливо видим отношение к медиа как к **национально-культурной ценности**, пусть и в несколько специфическом измерении.

Впрочем, на эту тему в научной литературе встречаются обобщения и куда более широкого порядка, более того — год от года заявления делаются все категоричнее и острее. Сошлемся на полемику, развернувшуюся между крупными европейскими исследователями медиасферы. Так, Д. Маквейл настаивает, что «в коммуникационной отрасли существует дополнительный фактор унификации, а именно — стимул к развитию возник главным образом из применения ряда коммуникационных технологий (массмедиа), почти... одним и тем же способом, независимо от национальных различий... Даже когда Европа была разделена на Восток и Запад, можно было найти сходные составы медиа и гражданских институтов, даже если различались цели и формы контроля» [5, с. 282]. Однако французский профессор Ф. Кабедош, выступая от лица своей национальной коммуникационной школы, настаивает на том, что информационные и коммуникационные технологии сопровождают, а не определяют социальное изменение [6, с. 305]. Он показывает эволюцию французской школы, преодолевшей первоначальный функционализм и завоевавшей мировое признание благодаря собственным оригинальным концепциям. Автор приводит длинный ряд ярких имен, за каждым из которых стоит самостоятельное направление теоретической мысли: Леви-Стросс, Сартр, Бурдьё, Фуко...

Игнорировать такие выступления невозможно, и Маквейл тоже вынужден признать, что существует некоторое разнообразие в исследованиях медиа и коммуникации в Европе, при

общих американских истоках. По его оценкам, не так уж много претендентов на то, чтобы отвечать критериям национального своеобразия. В конце двадцатого столетия в их числе были, возможно, только Франция и франкоязычная область, Соединенное Королевство, Германия, Скандинавский регион и Средиземноморский регион, с лидирующим положением Италии и следующей за ней Испанией [5, с. 288]. Как не сложно заметить, в списке фигурируют крупнейшие цивилизации континента — и нет России. Причины, несомненно, заключаются и в том, что отечественная наука в последние десятилетия с неуместной поспешностью воспринимает «универсальные» западные лекала, и в том, что для европейских специалистов российская теория медиа и журналистики до сих пор остается terra incognita — они просто не включают ее в сферу своего внимания. Вместе с тем имеет смысл посмотреть на основания, по которым выделяются национальные школы, в частности во Франции и Великобритании. Вот некоторые из них:

— интеллектуальные корни и происхождение, не только в коммуникационной науке, но часто также в философии, политической и социальной теории, литературе;

— основные социальные и культурные особенности, особенно религиозные и этнические различия. Кроме того, исторический опыт национального государства в геополитической и экономической сфере: имперские традиции, войны и конфликты, иноземное правление, внутреннее инакомыслие, революции и другие значимые события;

— национальные политические императивы в подходе к культурно-лингвистической сфере, экономическому, административному, технологическому развитию и т. д. [5, с. 286].

Было бы крайне странно не увидеть в этом «зеркале» отражения уникальной судьбы нашего отечества. Перечисленные факторы в высшей степени были характерны для России в прошлом и не перестали действовать в настоящем. С учетом этого обстоятельства необходимо признать, что отечественная журналистика (как и наука о журналистике) не может не нести в себе черт национального своеобразия, не говоря уже о психологически оправданном нежелании становиться бледной калькой с американского прототипа.

Сошлемся на мнения зарубежных специалистов. К примеру, американский профессор прямо связывает облик прессы с морально-ценностными приоритетами нации, когда заявляет, что «нет журналистики “вообще”». Она

меняется в зависимости от духовной культуры, присущей той или иной стране, особенностей ее исторического опыта. «Высокая» степень свободы в одном сообществе может восприниматься совершенно иначе в другом.... В одном государстве может быть допустимо то, что в другом считается оскорблением, покушением на моральные устои» [7, с. 6]. Подобным образом финские авторы, отлично знающие нашу страну, утверждают, что «нельзя ни пренебрегать культурными факторами, ни придавать им мистический смысл... Общие социологические концепции полезны, но только если была принята во внимание историческая особенность российских условий». Они присоединяются к мнению других зарубежных специалистов, которые полагают, что «евразийство» может служить отличительным элементом для рождающейся модели медиа в России [8, с. 152, 157].

В этом свете новым содержанием наполняется категория ответственности прессы и журналистов. По устойчивой традиции принято рассматривать ответственность за соблюдение интересов общества и социальных норм, причем со ссылками на стандарты либеральной демократии. Исследователи практически обходят вниманием обязанность беречь саму журналистику как часть национальной культуры и фактор ее развития. Такая постановка вопроса порождает заметные смещения в распространенных сегодня взглядах и суждениях о свободе слова и журналистики. Она явно отрицает эгоцентрические устремления личности и всего института прессы, предлагает иные критерии значимости их функционирования: вместо безудержного самовыражения – подчиненность определенным идеалам и культурному коду профессии, вместо удовлетворения корпоративных интересов – достижение общественного блага и т. п. Преодоление индивидуализма, в различных его формах, как опасной социальной и творческой болезни стало одной из центральных задач и практики, и теории нашей прессы. На противоположном индивидуализму полюсе помещается адекватный ответ на ожидания общества. Нет нужды избыточно доказывать, что менее всего эти ожидания связаны с саморазрушением и что, напротив, они порождены потребностью в самосохранении социума как развивающегося целого, как определенной культуры. Иное противоречило бы законам жизни, признанным и естественными, и общественными науками.

Таким образом, антитезой индивидуализму служит идея, которую можно выразить словами **«Журналист как сын Отечества»**. Подлинная

проблема заключается в выборе генерального критерия самооценки сотрудников прессы, или достоинства журналистики и журналиста. Достоинство, по общему правилу, понимается как внутренняя характеристика субъекта, мера уважения и сбережения им своей личности. Соответственно, всякий раз необходимо определить, какие нравственные и поведенческие императивы мы себе задаем, за что поощряем и порицаем себя в откровенном внутреннем диалоге с собой, ниже каких пределов не позволяем себе опускаться в отношениях с окружающими и в практической деятельности. Одно дело, когда достоинство базируется на признании собственной исключительности и суверенности от социальной среды. Иное дело, когда за точку отсчета принимается искреннее служение благу Отечества.

История мировой прессы и публицистики (а российской в особенности) густо насыщена фактами общественного служения, вплоть до самоотречения и самопожертвования. Но современная ситуация заставляет вернуться к бушевавшим некогда дискуссиям. Как ни странно покажется на первый взгляд, в них мощным дополнительным мотивом отзываются отношения собственности. До тех пор, пока в социалистическом государстве ценность отдельных изданий и вещательных каналов определялась «сверху» – органами централизованной власти и управления, на плечи редакций возлагалась ответственность за исполнение директивных установок такого рода. Естественно, что качество исполнения колебалось в широких пределах – от механически-формального служебного рвения до подлинных творческих взлетов. Тем не менее именно власть контролировала наличие и развитие тех или иных типов печати и карала редакции, которые не отвечали должным образом на ожидания от прессы. Содержание этих ожиданий мы сейчас не затрагиваем, поскольку рассматриваем главным образом механизм бережения социально-культурной среды и самой журналистики. Хотя, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что именно от власти исходили импульсы развертывания в нашей стране такой периодики, которая становилась элементом устойчивого социально-культурного порядка, входила в образ жизни населения, без нее нельзя было представить себе ни страну в целом, ни регион или местность, ни общественное существование отдельного человека.

Тотальная приватизация средств информации отменила устоявшиеся отношения. Неоднократная смена редакционного начальства, теку-

честь штатов, а главное – ощущение единоличного права владельца распоряжаться «лицом» изданий и каналов породили их полную незащищенность от разрушительного произвола, вплоть до ликвидации СМИ «по личному желанию», отнюдь не из соображений общественной необходимости. О таком случае с горечью рассказывает главный редактор «Красноярского рабочего» В. Павловский. В краевой столице закрылась газета «Красноярский комсомолец», привычно для граждан выходящая в свет с 1935 года. В последнее время она стала частью медиахолдинга, которым владеет «некий частнопрактикующий юрист, превратившийся в один миг в медиамагната». Автор комментирует эту потерю, явно не страшась обвинений в консервативности и «несовременности» взглядов. «Эта партия (та самая – коммунистическая) не только считала печать своей верной подручной, но и всячески помогала редакциям газет и журналов. Опять же, со мной могут поспорить, но именно тогда журналисты чувствовали уважение к своей профессии. И не только со стороны... читателей, но со стороны руководства... От людей пишущих требовали не столько восхваления власти (это, конечно, тоже было, но не в такой степени, как происходит сейчас), а показа передового опыта и критики недостатков» [9, с. 43].

Сравним для наглядности с иным подходом к судьбе заслуженного издания. Как сообщили информационные агентства в разгар финансово-экономического кризиса, самая старая в мире газета, из ныне существующих, перестала выходить в печатном виде и полностью перешла в Интернет. Речь идет об издании «Почта и внутренние новости», основанном в 1645 году королевой Швеции. Сегодня оно сохраняет свою традиционную тематику – публикует правительственные и юридические документы, судебные решения, соглашения между компаниями. Решение о полном уходе в Интернет было принято в связи с низкими тиражами. Переход в онлайн-вид даст газете возможность расширить свою аудиторию, считают в редакции. Несмотря на смену носителя, «Почта» останется первой в списке старейших газет, составляемом Всемирной газетной ассоциацией [10].

Пусть данная мысль не покажется преувеличением, но прославленные и, главное, вошедшие в уклад жизни населения издания и программы следовало бы приравнять по значимости к охраняемым социальным институтам, памятникам культуры и крупнейшим центрам научной и художественной мысли. Тогда в одном ряду оказались бы ведущие университеты,

Эрмитаж, Большой театр – и «толстые» литературные журналы, образовательные телеканалы, газета «Комсомольская правда» в лучшие ее годы... Национальные раритеты такого уровня непозволительно отдавать в руки невежественных и безответственных временщиков, они нуждаются в материальной и прочей поддержке, их сохранение в полноценном состоянии подлежит общественному контролю на законном основании. При этом мы вовсе не ратуем за возврат к оказыванию прессы с точки зрения форм собственности.

В свете этого экскурса в мир ценностей мерилом сохранения достоинства журналистов станет завоевание права быть допущенным к сотрудничеству в изданиях, которые составляют предмет гордости и заботы страны в целом, крупного региона или даже отдельного местечка. Впрочем, в идеале честью должно было бы считаться любое приобщение к работе в прессе, если она переходит в разряд национальной ценности высокого порядка. Тогда в слове «достоинство» появляются другие семантические оттенки, не разрушающие ни морфологическую, ни фонетическую его природу: *достоин ли я быть сотрудником прессы? по заслугам ли мне доверено общественное достояние? достойный ли я публицист – сын Отечества?* Весь труд самообразования и самовоспитания будет тогда устремляться к определенной и социально одобряемой цели – дотянуться до соответствия ожиданиям от журналистики.

В действительности мы наблюдаем расцвет противоположной парадигмы – стремление пригнуть общественность к собственному уровню развития. Поскольку журналистика превратилась в массовую профессию, доступ к которой открыт любому желающему, а контроль квалификации сотрудников и качества продукции до крайности ослаблен, то общий уровень ее развития неизбежно будет определяться стандартами «массовой культуры». Иного не дано, как бы ни тщились некоторые представители профессии причислить себя к элите – духовной, деловой, а то и властвующей. Хотя, конечно, как и во все времена, в редакциях трудится немало талантливых и высокообразованных личностей.

Специалисты замечают урон, который такая безыдейная журналистика наносит мировоззрению и культурному кругозору публики, особенно молодой. Характерно, что претензии звучат не только со стороны исследователей или записных моралистов, но и «изнутри» профессии. «Успех, неважно какой ценой, – общее ощущение от этого поколения. Цинизм, отсутствие

убеждений – не надо идеологии, дайте денег. Последние годы к этому их подводило все, и прежде всего телевидение, – утверждает телеведущая М. Максимовская. – Нынешние 20-летние ничего другого не видели – они росли... на этом ТВ и на этой сервильности. Многие искренне ненавидят Америку, Украину, Грузию, далее – везде... Они возненавидят любую страну, на которую им укажут по ТВ» [11].

Вряд ли мы полностью согласимся с возложением вины главным образом на ТВ, без учета всего многообразного социального и культурного контекста. Но свою долю ответственности за ценностный ущерб оно, безусловно, несет.

Ситуация в социальном и профессиональном мирах побуждает говорить о культурно-ценностном содержании журналистики еще в одном измерении – в **международном**, которое не часто привлекает внимание специалистов. Какой образ страны рисуется перьями наших корреспондентов для внешнего наблюдателя? Задавшись этим вопросом, мы вынуждены будем еще раз вспомнить о заключениях международных организаций, которые по материалам СМИ делают выводы о нравственном здоровье нации, состоянии демократии, политической культуре власти и граждан и т. п. «Было много давления на независимые СМИ, включая арест журналистов в ходе демонстраций оппозиции, – пишет о России в своем годовом обзоре организация «Репортеры без границ», – независимые газеты закрываются, и некоторые журналисты были насильственно отправлены в психиатрические больницы – все это плохие предзнаменования» [12, с. 131].

Понятно, что подобные суждения только закрепляют господствующий на Западе стереотип восприятия России как государства с неискоренимо подданнической массовой психологией, которому глубоко чужды идеи демократии, справедливости, равенства. Можно было бы попытаться опровергнуть эти взгляды в публицистической полемике. Можно резонно указать зарубежным партнерам на несовершенство их собственной избирательной практики и ее освещения. Однако, во-первых, мировое общественное мнение в значительной степени выражается и формируется усилиями именно правозащитных организаций, как бы уничижительно иной раз ни отзывались о них наши «домашние» политологи. Во-вторых, слишком горькими для нас оказались плоды многолетнего политического и культурного изоляционизма от мирового сообщества.

Единственно достойным способом рассуждения и поведения для журналистов представ-

ляется честное возложение вины на себя. В былые столетия Европа судила о духовном потенциале российской нации по гражданственной публицистике А.И. Герцена и Л.Н. Толстого. О публицистических рукописях последнего исследователи пишут, что «в русской печати конца XIX в. смогла выйти в свет очень незначительная их часть. <...> Толстому-публицисту так и не удалось получить в России печатной трибуны для общения с народом, но Толстой, тем не менее, смог, несмотря ни на какие препоны, донести свое слово до него», в том числе через крайне затрудненные и опасные связи с заграничными издателями [13, с. 112]. Сегодня политические и правовые условия для честной журналистики складываются гораздо благоприятнее, чем 100–150 лет назад и даже 30–50, во времена расцвета «самиздата» и «тамиздата». Представать перед зарубежными читателями в роли достойного сына Отечества и тем самым вызывать уважительное отношение к нему – для этого, как правило, уже не нужно совершать подвиг. Достаточно переступить через соображения мелкой личной выгоды. Именно такой смысл заложен в интервью, которое дал журналу «Прочтение» председатель Санкт-Петербургского Союза журналистов Андрей Константинов: «Свобода всегда внутри каждого журналиста. Весь вопрос в той цене, которую он готов за нее заплатить. Солженицын был готов на все. В том числе сидеть в тюрьме... В царской России были Короленко, Дорошевич. А тогда ведь не было закона о печати, не было Евросоюза, некому было пожаловаться... Поэтому когда сейчас журналисты жалуются и говорят: “Нам мало свободы, тут нам не дают, там нас лишают”, хочется ответить: “Почему Солженицыну это не мешало, а вам мешает? Мне кажется, вы находитесь в более комфортных условиях, чем он. Может, слишком много ноете, слишком себя жалеете?”» [14].

Есть у нашей темы и другие международные аспекты. Так, общепризнанным фактом стало беззастенчивое заимствование отечественным телевидением программ-шаблонов из зарубежного опыта. Прежде всего имеются в виду ток-шоу, заполонившие вещательные каналы. По мнению исследователей игрового телевидения, необычайная популярность в России различного рода ток-шоу «обнажила проблему человека массового сознания. Это человек без особых интеллектуальных запросов, погруженный в сугубо бытовые проблемы, прислушивающийся разве что к рефлексивно-инстинктивным запросам, т. е. посредственный человек» [15, с. 40]. Тем ли, однако, измеряется ответственный профессиональный и

гражданский выбор, чтобы демонстрировать готовность подражать весьма сомнительным чужим достижениям? В морально-этическом плане мы еще раз даем повод для упреков в том, что русские, мол, нечисты на руку. Национальное достоинство журналистики связано, в частности, с тем, чтобы, будучи открытыми ценному чужому опыту, тщательно сберечь свой «золотой запас». Только в этом случае состоится равноценный профессионально-культурный обмен. Иначе неизбежна унификация, от которой ничего не выиграют обе стороны.

Вот перед нами одно из исследований кадрового состава российских СМИ. Автор – в прошлом наша соотечественница, получившая на родине журналистское образование и изрядный опыт работы в прессе; ныне волею судьбы она представляет финляндскую научную школу. Вдумаемся – так ли уж велик эвристический потенциал, заложенный в программу выполненного ею анализа? «Главная задача нашего исследования состояла в том, чтобы прояснить подходы к работе российских журналистов в рамках западной концепции профессионализма в журналистике... Мы хотели выяснить, становятся ли подходы российских журналистов похожими на западные» [16, с. 51]. Изучив внушительный эмпирический материал, исследовательница приходит к выводу о том, что между западными и российскими дискурсами о профессии остаются существенные различия.

Этот результат, как представляется, несложно было предугадать, ради него не стоило бы затевать кропотливое исследование. Но еще существеннее другое методологическое замечание: намерение поместить российскую действительность в форму иной культуры означает отказ от понимания ее генетического кода. Почему, собственно, наша пресса не может вызывать интерес сама по себе, а не как несостоявшаяся калька с западного образца? Этот вопрос приобрел повышенную актуальность для общественной жизни и научных дискуссий. Не исключено, что в ходе его обсуждения выяснится принципиальная пагубность стремления непременно соответствовать так называемым мировым стандартам. Да и есть ли они – единые стандарты? Не надежнее ли в подобных дискуссиях руководствоваться реальностью, порождаемой в конкретном месте и конкретными обстоятельствами?

Нельзя не задуматься об опасности инерционной канонизации любого знания о прессе, которое приходит к нам из «чуждых пределов». В этой точке своих рассуждений мы как бы поворачиваем зеркало категории достоинства к

лицу исследователей прессы. Всегда ли подлинно свежи зарубежные идеи и основательны теоретико-методические разработки, которые мы спешим возвести в ранг классических? Например, европейские коллеги говорят о трудностях, «с которыми должна сталкиваться любая попытка определения журналистики. Тем не менее удобной отправной точкой служит определение, данное Брайаном Макнейром в его “Социологии журналистики”: “Любой авторский текст, в письменной, звуковой или визуальной форме, который претендует... на то, чтобы быть правдивым описанием, или фиксацией, какой-то до настоящего времени неизвестной (новой) подробности реального, социального мира”» [17, с. 151]. Так ли уж любой текст и так ли уж строго очерчены суверенные пределы именно журналистики? Под эту дефиницию с равным правом подпадают и документальная литература, и сообщение о фактах в устном или письменном личном общении, и публицистика во всем разнообразии ее внежурналистских проявлений. Обособить последнюю берется итальянский профессор-литературовед, который утверждает, что русское слово «публицистика» восходит к итальянскому «*publicistica*» (что сомнительно с исторической точки зрения). И далее: журналист по контракту занимается «“рутинной” передачей или пересказом событий и происшествий», тогда как публицист по личному свободному выбору «вносит свой вклад в истолкование и комментирование хроники событий или в целом современной культуры» [18, с. 156]. Деление по признаку «рутинная» служба или свободное творчество представляется здесь явно недостаточным, как и в целом понимание журналистики. Мы не ставим своей задачей углубляться в терминологические изыскания. В данном случае существенно, что предложение канона есть, а научная проблема не решается. Сказанное, конечно, относится не к одним лишь спорам о дефинициях.

Цитированная выше русско-финская исследовательница строит свой анализ в русле классификации ролей журналиста, которую предложил Ву Вивер и которую, вслед за европейскими научными школами, подхватывают некоторые российские специалисты. Итак, журналист выступает в качестве распространителя информации (*disseminator*), аналитика действий власти (*interpreter*) и оппозиционера по отношению к власти (*adversary*). И ничего более? – хочется спросить. Бытописатель, выразитель взглядов близкой ему социальной группы, создатель духовных ценностей (или антиценностей), заключенных в форму

публицистического произведения, исследователь психологических, экономических, художественно-эстетических феноменов и процессов, очеркист нравов и социальных типов – разве эти и другие ипостаси корреспондента уместаются в тесной оболочке диссеминатора или интерпретатора? И разве отечественная наука – в прошлом и в настоящем – не знает своих классификаций журналистских ролей, как сходных с виверовской, так и отличных от нее? Возьмем наглядный пример. В СПбГУ доказательно разрабатывается концепция четырех ролей журналиста, реализуемых в его отношениях с действительностью: беспристрастное отображение действительности, обобщение наблюдаемого материала, выработка рекомендаций, преобразующее воздействие на социальные ситуации [19, с. 55–56]. Вполне, как представляется, реалистичная и работоспособная версия.

Достоинство исследователей журналистики и отношение к своим достижениям как к ценности должно найти выражение в умении объективно взвесить свои достижения и просчеты, без непродуктивного самоуничижения или, наоборот, самовосхваления. Тогда появится возможность выполнить совершенно обязательную, на наш взгляд, аналитическую работу – дать точные названия исследовательским направлениям и школам, получившим развитие в стране. Сегодня, при более или менее явных различиях в традициях, проблематике, методике труда нескольких центров, ни один из них не выбрал для себя такого обозначения (здесь как раз следовало бы поучиться у зарубежных университетов). Речь идет не о формальном акте, а, во-первых, о более строгом определении структуры исследовательских интересов и программ и, во-вторых, о способе оптимизации взаимодействия с партнерами как внутри страны, так и за границей. Но точное наименование – это, конечно, только дополнительная мера. В нашем распоряжении находится главное средство ценностной аттестации отечественной журналистики, для мира и для «внутреннего потребления», – ее высокий нравственный, интеллектуальный и профессионально-культурный уровень.

Список литературы

1. Гатов В. Журналисты не понимают, что их эпоха прошла. Битву за роль «четвертой власти» ведут не СМИ, а новые партизаны Wikileaks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnopinion/budushchee/61484-zhurnalisty-ne-ponimayut-cto-ih-epoha-proshla>.
2. Расходов П. Ольга Романова: «Мы существуем для пяти процентов населения» [Электронный ре-

сурс]. Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/russiantoplist/1428358>.

3. Сосницкая О. Профессия журналиста в Германии: через тернии к звездам? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://professional.ru/Topic/1637155>.

4. Алексеева А. Превалирующее меньшинство. Этнические медиа – новый флагман американских СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chaskor.ru>.

5. McQuail D. Diversity and Convergence in Communication Science: The Idea of ‘National Schools’ in the European Area // Communicative Approaches to Politics and Ethics in Europe: The intellectual work of the 2009 ECREA European media and communication doctoral summer school. Tartu, 2009. P. 281–293.

6. Cabedoche B. Communication and Media Studies: The French Tradition(s). Keys Concepts and Key Schools // Communicative Approaches to Politics and Ethics in Europe: The intellectual work of the 2009 ECREA European media and communication doctoral summer school. Tartu, 2009. P. 293–309.

7. Моулд Д. Этот огромный, огромный мир... Живя в нем, непросто достичь единого понимания ценностей // Медиа-дискурс. 2008. № 3. С. 6.

8. Nordenstreng K., Pietiläinen J. Normative Theories of the Media: Lessons from Russia // Media, Communications and the Open Society. Moscow, 1999. P. 146–159.

9. Павловский В. Одним «Комсомольцем» меньше... // Журналистика и медиарынок. 2008. № 12. С. 43.

10. Самая старая газета в мире ушла в Internet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yojo.ru/wp/?page_id=90.

11. Цветкова В. Марианна Максимова: «У нас на экране – сплошь сервильные репортажи и интервью» [Электронный ресурс] // Независимая газета: сайт издания. Режим доступа: http://antrakt.ng.ru/tv/2009-01-30/12_marianna.html.

12. Freedom of the Press Worldwide. Reporters without Borders: 2008 Annual Report / J.-F. Julliard. Paris, 2008. 131 с.

13. Жирков Г.В. Л.Н. Толстой и цензура. СПб., 2009. 319 с.

14. Дальская Ю. Андрей Константинов: Больше всего ныть об отсутствии свободы любят бездарности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://professional.ru/Topic/1595365>.

15. Осинский В.Г., Петров Г.Н. В режиме «online» // Говорит и показывает кафедра радио и телевидения. Вып. 2 / Под ред. С.Н. Ильченко, В.Г. Осинского, Г.Н. Петрова. СПб., 2004. С. 40–41.

16. Пасти С. Российский журналист в контексте перемен. Медиа Санкт-Петербурга. Тампере, 2004. 292 с.

17. Carpentier N. Journalism, Media, and Democracy // Reclaiming the Media. Communication Rights and Democratic Media Roles. Bristol (UK); Chicago (USA), 2007. 293 с.

18. Перси У. Максимилиан Волошин – публицист // Журналистика и медиаобразование в XXI веке /

Под ред. А.П. Короченского. Белгород, 2006. С. 156–161.

19. Блохин И.Н. Журналистика в мире национальных отношений. СПб., 2008. 468 с.

THE PROBLEM OF VALUES POTENTIAL OF MODERN RUSSIAN JOURNALISM

S.G. Korkonosenko

The concept of "national dignity of journalism" is revealed. The author reflects on the danger of inertial canonization of any knowledge about the press, which comes to us from foreign theories, and stresses the need to preserve the national traditions of journalism. Russian press, in the author's opinion, has a high moral, intellectual, professional and cultural potential.

Keywords: mass media, journalism, culture, national dignity.